Е. В. Манузин

ВОЕННО-ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Работа представлена кафедрой истории и методики ее преподавания Славянского-на-Кубани государственного педагогического института.

В статье автор рассматривает такой аспект истории образования в России, как физическое воспитание детей в конце XIX – начале XX в. В прогрессивно меняющихся социально-экономических и политических условиях конца XIX –

начала XX в. на Кубани происходил объективный процесс так называемого «расказачивания» и связанный с этим рост индивидуализации сознания казачества. В рассматриваемой сфере происходит постепенное снижение роли семейного и общинного компонента в военно-физическом воспитании молодежи. Общество все больше возлагает воспитательную функцию на войско (региональную власть) и государство (центральную власть). В работе представлены меры, предпринимаемые для создания системы детской военно-физической подготовки. Как представляется автору, положение дел в сфере физической культуры кубанского казачьего войска мало отличалось от всероссийского, и Кубань, как и вся страна, вступала в начало XX в. с явно слабой системой военно-физической подготовки молодежи.

Ключевые слова: *История образования, кубанское казачество, военно-физическое воспитание, гимнастика, сокольская методика.*

E. Manuzin

MILITARY-PHYSICAL EDUCATION OF YOUTH IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES IN THE KUBAN COSSACK SOCIETY

The author of the paper considers such an aspect of the education history in Russia as physical education of children in the late 19th – early 20th centuries. Under the progressively changing social, economic and political conditions of the late 19th – early 20th centuries, the Kuban region faced the objective process of so-called decossackisation and the increase of the Cossacks' consciousness individualisation connected with this process. The gradual decrease of the role of the family and community component in military-physical education of youth was observed. The society was more and more imposing the educational function on the army (regional power) and the state (central authority). The paper presents the measures undertaken to create a system of children's military-physical training. In the author's view, the state of affairs in the Kuban Cossack army's physical culture differed little from the all-Russian one. As the whole country, Kuban entered the 20th century with an obviously weak system of military-physical education of youth.

Key words: *history of education, Kuban Cossacks, military-physical education, gymnastics, Sokol method.*

Повышенный интерес к проблеме истории комплексного физического воспитания молодежи вызван тем, что этот вопрос с течением времени сохранил свою актуальность, а спустя столетие ввиду общего ухудшения здоровья нации стал еще острее. В этом смысле изучение опыта прошлого приобретает особое значение для создания концепции физического воспитания и развития молодежи в будущем. Не меньшее значение тема физической подготовки приобретает в России в свете грядущих Олимпийских игр в Сочи в 2014 г.

Исследование этой темы на примере кубанского казачьего войска представляется обоснованным в связи с некоторыми обстоятельствами:

1. Военизированная структура казачьего войска заставляла его руководство уделять вопросу физического воспитания молодежи повышенное внимание.

2. Развитие вопроса на примере кубанского казачьего войска показывает, как вопрос физической и военной подготовки детей в конце XIX – начале XX в. постепенно переставал быть делом внутрисемейным и общинным, становясь все более государственным; также показывает, насколько государство смогло справиться с этой новой для него функцией.

3. Имея в своей структуре все формы начальных и средних учебных заведений дореволюционной России, Кубань может дать

представление о состоянии преподавания физической культуры в заведениях войскового и государственного подчинения.

Военно-патриотическое и физическое воспитание до установления на Кубани в 1880-е гг. широкой сети начальных учебных заведений развивалось в рамках семей, войска и общин. Даже после создания сети школ, подготовка казаков к военной службе была преимущественно делом семьи, станицы и войска (войсковые сборы).

Описание такого элемента подготовки кубанских казачат к военной службе, как джигитовка приводилось в «Кубанских областных ведомостях» в 1892 г.: «… присматриваясь к жизни станицы можно увидеть казачат – будущих джигитов. Сначала видишь их на лошадях на водопое – без седла, без уздечки, но всегда рысью или наметом, а то и в карьер, глаза блестят – видно, что на лошади – он на вершине блаженства. При встрече табуна видны обгоняющие друг друга пацаны, стремящиеся поднять с земли что-либо, спроси, какие лошади в табуне лучшие – тут же скажут... Далее – встречаешь их уже малолетками приготовительного разряда в войске – на своих молодых лошадях – там учатся достигать земли на скаку, скакать вниз головой… Из лагерей возвращаются со званием «джигита», а то и с призом за джигитовку – лошади приучаются ложиться на месте и на скаку. Самолюбие заставляет тянуться менее смелых и лихих, поэтому дело джигитовки в войске в детях и юношах казаков развито – сами казаки относятся к нему с любовью» [19]. Выделяли несколько приемов джигитовки: скачки через препятствие со стрельбой, рубкой и фланкировкой, умение быстро положить коня на карьер и открыть из-за него огонь. Действовала и так называемая вольная джигитовка: поднимание предметов на скаку, спрыгивание и вскакивание при езде, скачка стоя и с пересадкой с лошади на лошадь, скачка вниз головой с опорой плечом на седло. Основная цель подобных упражнений – «развить в молодых казаках совершенство владения конем и оружием и извлекать из владельца коня и оружия возможно большие выгоды в поражении врага» [19]. Стрельба и фехтование также являлись необходимыми навыками, которым старались обучить еще до начала службы. В начале XX в. «фундамент военного воспитания перенесен в школу» и видеть в этом, подобно С. Г. Александрову, только лишь признак «унификации состава средств физического воспитания и военно-прикладной подготовки» [1, с. 61–68] было бы поверхностной оценкой. Приказы по войску № 339 от 24 ноября 1910 г. (о производстве в станицах маневров) и № 370 от 22 декабря 1910 г. (об обучении молодых казаков-учеников в казачьих школах фронту и сведениям, обязательным для молодых казаков), [1, с. 33] фактически признают уже не просто наметившийся, но и активно развивающийся кризис не только на внутриобщественном, но на внутрисемейном уровне физического и военно-патриотического воспитания. Почему-то возлагать на школы эти обязанности еще двадцатью годами ранее, несмотря на уже имеющееся достаточное количество самих училищ (более двухсот), никто не собирался. Налицо явный очередной признак начинавшегося естественного процесса расказачивания, ставшего очевидным к началу XX в. для всех. Известный деятель и публицист консервативного толка на Кубани П. П. Орлов писал строки, за которыми явно слышится боль и призыв к уже уходящему с культурной и военной сцены страны казачеству: «Пусть кипит здоровая военная жизнь, пусть все приходят смотреть на военные игры – это лучше, чем сидеть у забора, точить лясы и лузгать семечки… Пусть станицы заведут для стрельбы ружья и патроны. Щеголяйте казачьим убором, не меняйте его на пиджак, приходите в мундирах в царские праздничные дни в школы, пропойте хором гимн… Не ходите воинскими командами на Рождество и Новый Год по станицам с иногородних собирать полтинники – этим вы унижаете себя как носящих звание воинов… Не пойте иногородних песен, пойте родные. Соблюдайте под праздники тишину и не позволяйте молодежи орать песни…» [22, с. 255–261]. Последний призыв особенно интересен – в ночь под праздники (в основном, религиозные) идут церковные службы – сис-

тема религиозного воспитания, утверждавшаяся через школы не справлялась с обязанностями нравственного наставника. Очевидно, войсковое руководство вспомнило о подготовке казачьей молодежи лишь тогда, когда правительство решило все же оставить (по военным соображениям) казачьи войска в качестве самобытных образований. Об этом косвенно свидетельствует и то, что средства на проведение стрельб при общеобразовательных учебных заведениях области выделялись из госказначейства за подписью военного министра [26].

Гимнастика считалась «необязательным предметом», т. е. не входящим в разработанный Министерством народного просвещения и высочайше утвержденный «минимум» предметов изучения при открытии училища. Как правило, в основной массе низших, начальных и средних учебных заведений «необязательными» предметами являлись гимнастика, музыка и, говоря современным языком, «трудовые» предметы – столярное, слесарное, кузнечное, кожевенное ремесла, садоводство, огородничество, пчеловодство, а также домашнее хозяйство и рукоделие, если речь шла о женских училищах [18, с. 80–87]. Их открытие возлагалось на местные общества по мере необходимости в предмете и при наличии средств [21, с. 66, 67].

Сами общества могли и не указать преподавание какого-нибудь дополнительного предмета (в этом и состоял принцип его необязательности) либо обговаривали введение этих дисциплин сразу во время схода, принимающего решение об открытии школы [20, с. 92, 93]. Могли ввести их и позже, когда появлялись деньги на наем преподавателей или появлялась потребность в специальных знаниях – приговоры общин детально прописывали статьи расходов на введение у себя училищ и отдельных занятий [23, с. 160]. Пример тому – резко возросший в 1890-е гг. в связи с развитием рыночных связей интерес к садоводству, пчеловодству и ремеслам и связанное с этим стремление обучить этому делу детей [23, с. 21]. В обоих случаях бумаги с решениями общественных сходов проходили всю бюрократическую цепочку системы просвещения, утверждаемые сначала инспекторами районов, к которым относились города, станицы или хутора, после – дирекцией народных училищ и, наконец, попечителем Кавказского учебного округа [2].

Гимнастика. В том виде (или примерно в том), в каком мы себе представляем занятия физической культурой в начале XXI в., в исследуемый период она существовала лишь в наиболее обеспеченных средних учебных заведениях (в первую очередь в так называемых «Кубанских» – финансируемых войсковой казной). Это была сокольская методика, предусматривающая обязательное наличие единой для всех физкультурной формы, наличие физической разминки, занятия с гимнастическими снарядами, групповые упражнения, элементы спортивного соревнования, «строительство» «живых пирамид», обязательные «речёвки», музыкальное сопровождение и песни [3]. В абсолютном большинстве учебных заведений области, даже там, где гимнастика была введена, она больше напоминала военную начальную строевую подготовку. Обязательными ее составляющими были чинопочитание и военный строй, с программой, составленной на основе Устава нестроевой казачьей службы 1875 г. и Устава о гарнизонной службе 1884 г. [4]. Программа подобных училищ выглядела следующим образом: а) одиночное обучение; б) стойка и движение головы; в) повороты; г) движение шагом; д) осаживание и примыкание; е) предварительные понятия о пешем строе; ж) о командах; з) выравнивание пешего строя и встреча начальника; и) движение фронтом прямо и в вполоборота; к) движение рядами; л) построение рядов из фронта и фронта из рядов [13]. Понятно, что ни о какой физкультурной форме не было и речи. Занятия проводились в той же одежде, что и на обязательных предметах. Так, в рекомендации введения единой формы одежды для учеников городских училищ (эти школы из всех начальных были лучше обеспечены как методически, так и материально) приводился и такой аргумент: «…ученическая форма незаменима как во время гимнастических упраж-

нений, так и при выполнении письменных работ» [6]. Не было часто речи и о системе преподавания, кроме строевой подготовки. Это вполне объяснимо тем, что школы в соответствии с существовавшими тогда правилами назначали преподавателям гимнастики самое низкое жалование – даже в начале XX в. оно не превышало 75–100 руб. в год (1/4 учительского) [1, с. 33]. При таких условиях найти преподавателей на такую низкую ставку можно было только среди стремящихся найти подработку отставных урядников и офицеров, которые вели предмет в соответствии со своим опытом [8]. С одной стороны, может показаться, что не так уж это и плохо – в казачьих школах будущим казакам-бойцам преподают начальную строевую подготовку. С другой стороны, показательны данные огромного процента выбраковки казаков на сборных пунктах [16] – прямое следствие превосходства строевой подготовки над общефизической. Приказы наказного атамана № 339 от 24 ноября 1910 г. и № 370 от 22 декабря 1910 г. о проведении маневров и преподавании военного строя, а также призыв консервативно настроенного публициста Кубани П. Орлова к «оздоровлению казачества» [10] менее всего напоминали простые меры по систематизации строевого и гимнастического образования (согласно мнению С. Г. Александрова) [1, с. 65–68]. Раньше в подобных мерах почему-то потребности не было, хотя уже были и школы и отставные военные в станицах. Этот крик души – показатель наметившегося кризиса в системе подготовки казачества. Преподавателей по методике общества «Сокол» было немного, их выписывали из Петербурга с назначением жалования в 1500 руб./год и более [11].

Своего рода эталоном местного масштаба для школ Кубани к началу XX в. являлось Кубанское Александровское реальное училище, в котором преподавались отдельными дисциплинами сокольская гимнастика, гимнастика пластическая (последняя состояла из подготовительных приемов, позиций, маршировки под музыку и исполнения некоторых танцев) и военный строй [7]. На программе обучения военному строю учеников Кубанского Александровского реального училища считаю необходимым остановиться особо, так как это была наиболее полная программа преподавания предмета в Кубанской области. Она состояла из следующих разделов:

1. Значение для военнослужащего особы Его Императорского Величества и Его Августейшего Семейства.

2. Понятие о знамени и национальном флаге, выяснение назначения казака и присяги, умение различать называние и титулование воинских и гражданских чинов.

3. Сущность воинской дисциплины. Чинопочитание.

4. Строй, шеренга, фронт и фланг.

5. Команды.

6. Правило отдания воинской чести.

7. Повороты.

8. Построение и расчет шеренги на первый и второй нумера.

9. Взвод. Сомкнутый строй взвода: построение, выравнивание и расчет. Повороты взвода.

10. Сотенная колонна; ее построение, перестроение и развертывание.

11. Рассыпной строй. Общие указания рассыпания взвода и сотни.

12. Построение взвода для церемониального марша: развернутый строй колонны по отделениям и частям сотни.

13. Курс ружейных приемов, ознакомление с винтовкой и ее назначением (для учеников 4–5-х классов). Ружейные приемы: от ноги на руку, от ноги на плечо, от плеча к ноге, от ноги на караул, «на молитву».

14. Стрельба: шеренгой, взводом, сотней и цепью. Ознакомление с краткими системами иностранных винтовок (японских, германских, французских, английских, турецких, швейцарских, австрийских).

15. Азбука Морзе. Сигнализация флагами и фонарями.

16. Знакомство с природой и характером местности. Определение расстояний и высоты предметов по глазомеру [7].

В других крупных учебных заведениях Кубани гимнастика ограничивалась вольными движениями, маршировкой и упражнениями на снарядах [22, с. 253–255]. В рамках Кубан-

ского Мариинского женского училища действовала «женская гимнастика» – обобщенный вариант общих гимнастических упражнений с уменьшенным набором упражнений на спортивных снарядах, поэтому она больше напоминала пластическую гимнастику [25].

На методике общества «Сокол» (она же система доктора Мирослава Тырша) также необходимо остановиться особо, так как именно с нее можно вести отсчет новой системы физической подготовки молодежи. Сокольская система предусматривала комплексное физическое воспитание учащихся, когда гимнастика предстает перед нами именно как занятия физической культурой в ее современном значении. Помимо собственно физического развития она предполагала нравственно-патриотическое воспитание и любительский соревновательный элемент, роднящий ее с современной спортивной гимнастикой [14]. Повышенный интерес в России к «Соколу» в начале XX в. связан с известной долей зависти к чешской школе – основоположнице сокольского движения, которая без особых затрат, на энтузиазме создала полноценную систему физического и патриотического воспитания в Чехии [24, с. 92]. На Кубани повсеместному распространению «Сокола» препятствовало наличие небольшого количества тренеров-наставников, вследствие чего – их поштучное распределение между важнейшими и наиболее обеспеченными учебными заведениями. Так, решение о направлении преподавателя «Сокола» в Кубанское Александровское реальное училище принималось Военным Советом за подписью императора от 13 января 1912 г. [26]. Отсюда и высокое жалование, назначаемое преподавателям, а последнее создавало практически полную невозможность иметь такого учителя для абсолютного большинства школ.

Первоначально (во второй половине XIX в.) на преподавание гимнастики, даже там, где ее вводили, отводилось два одночасовых занятия в неделю. Министерство народного просвещения в 1889 г. предложило найти для нее время за счет сокращения продолжительности проводимых 5 уроков с 55 до 50 минут и присоединения к полученному 25 минут, из полагающихся 30 минут на большую перемену [5]. В начале XX в., особенно после русско-японской войны признали необходимым проведение трех занятий в неделю – именно такое число часов рекомендовало училищное руководство включать в расписание уроков школ, в которых местные общества решали финансировать кроме основных предметов еще и гимнастику [17, с. 184–186]. В большей части школ (начальных) преподавание гимнастики сводилось к так называемой военной гимнастике. Она включала в себя движения («кручения», «нагибания», «качания» «разведения и сведения») рук, ног, головы и туловища в сочетании со строевыми занятиями (построение и движение рядов, колонн, повзводно, сотенное обучение (элементы кавалерийской подготовки), выравнивание строя) и «чинопочитанием» – титулование чинов, краткие сведения о присяге, знамени и т. д. Исправить подобную ситуацию попытались лишь в 1910 г., когда из-за «низкого состояния гимнастики в школах» училища были обязаны направлять в Екатеринодар учителей на курсы гимнастики, для того чтобы разнообразить программу преподавания и «вызвать у детей интерес к предмету» [17, с. 184–186]. Программа этих курсов представляла из себя мешанину все тех же строевых занятий, военной гимнастики, элементов сокольской гимнастики, упражнений на спортивных снарядах, словесности (титулования, чинопочитания…) и подвижных игр. Строевые занятия состояли из: а) практических занятий отдания воинской чести стоя и проходя; б) взводного обучения; в) сотенного обучения.

Военная гимнастика включала: а) движения головы; б) движения рук; в) движения ног; г) движения туловища [25]. Гимнастика по Сокольскому методу для этих школ заключалась в следующем: а) размыкание колонн и переход к массовым упражнениям; б) общие массовые совместные упражнения вольных движений; в) массовые общие упражнения с палками. Упражнения на снарядах проходили в виде: а) прыжков с наклонной доски; б) параллельных брусьев; в) турники (перекладины). Словесность включала:

а) титулование Императорских особ; б) воинские чины, титулование и их наружные отличия; в) атаманы казаков; г) казачьи войска; д) первоочередные части Кубанского Казачьего войска; е) краткие сведения истории Кубанского Казачьего войска; ж) чинопочитание (уважение и выражение почтения к начальникам и старшим); з) краткие сведения: 1) знамя; 2) значение присяги; 3) назначение казака [15].

Игры делились на: а) с пением, такие как «Фокины дети», «солдатики», «садовник и работники», «точильщик», «плотники», «заинька», «дедушка Еремей»; б) простые подвижные игры: «разбойники идут», «лови последнего», «бондарь», «охотники и зайцы», «латки», «давай руку», «ловушки», «лабиринт» [9].

Несмотря на явный прогресс в численных показателях преподавания гимнастики в начальных училищах области (в 1881 г. – 139 школ, где она преподавалась, а в 1913 г. – 559) [12], в целом можно с уверенностью утверждать, что единая, действенная и эффективная система физической подготовки в рамках начальной общеобразовательной школы на Кубани дореволюционного периода так и не была создана – указанные 559 школ с преподаванием гимнастики составляли не более 25% всех кубанских училищ. Между уровнями преподавания гимнастики в Кубанском Александровском Реальном училище и в широкой сети начальных училищ было существенное различие. Наличие красивого и правильно выверенного преподавания гимнастики реального училища не отражает ситуации в области в целом.

В прогрессивно меняющихся социально-экономических и политических условиях конца XIX – начала XX в. на Кубани происходил объективный процесс так называемого «расказачивания» и связанный с этим рост не только экономической самостоятельности, но и индивидуализации сознания казачьего населения. В связи с этим происходит постепенное снижение роли семейного и общественного компонента в военно-физическом воспитании молодежи. Общество все больше возлагает данную воспитательную функцию на войско (региональную власть) и государство (центральную власть). Следует отметить, что ни войско ни государство к подобным дополнительным обязанностям не было готово и в рамках имеющихся в их распоряжении структур (учебных заведений разного уровня) так и не смогли создать эффективную систему детской военно-физической подготовки.

Как нам представляется, положение дел в сфере физической культуры кубанского казачьего войска в целом мало отличалось от всероссийского и является знаковым показателем. Кубань, как и вся страна, вступала в начало XX в. с явно слабой системой военно-физической подготовки молодежи. Впереди были: Первая мировая и Гражданская войны, революция и эпидемии, унесшие у физически ослабленной нации больше жизней, чем все революции и войны начала века вместе взятые...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров С. Г.* Физическое воспитание детей и молодежи кубанского казачества (сер. XIX – нач. XX в.). Краснодар, 1999. 185 с.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 3013. Л. 12–13.
3. ГАКК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 331. Л. 21.
4. ГАКК. Ф. 427. Оп. 1. Д. 386.; Д. 331. Л. 21.; Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 106. Л. 128–135.
5. ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
6. ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–14, 95–97.
7. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1082. Л. 14–15.; Д. 1247^{б}. Л. 1.
8. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1082. Л. 15–19.
9. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1082. Л. 19.
10. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1261. Л. 16.
11. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1291. Л. 5–35.; Д. 1448. Л. 6–8.
12. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1407. Л. 1–2.

13. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 710. Л. 1-4.; Д. 407. Л. 1–8.
14. ГАКК. Ф. 552. Оп. 1. Д. 77. Л. 1, 31, 211–214.; Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1912/1013 учебный год. Екатеринодар, 1914. 82 с.
15. ГАКК. Ф. 671. Оп. 1. Д. 47. Л. 32–33.
16. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 105. Л. 130–131.
17. *Григорьев А. С.* Развитие гимнастики в России с сер. XIX века до Великой Октябрьской Социалистической революции: дис. … канд. пед. наук. Л., 1965. 201 с.
18. *Егоров В. Г.* Краткая география Кубанской области. Родиноведение. Екатеринодар, 1910. 92 с.
19. Кубанские областные ведомости. 1892. № 16. (2 мая).
20. Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 20. 111 с.
21. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1903 год. Екатеринодар, 1903. 230 с.
22. *Орлов П. П.* Сборник рассказов и статей. Екатеринодар, 1911. 292 с.
23. *Ососков. А. В.* Начальное образование в дореволюционной России 1861–1917 гг. М.: Просвещение, 1982. 374 с.
24. Памятная книжка кубанской области за 1875 год. Екатеринодар, 1876. 558 с.
25. РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1729. Л. 31.
26. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 15 (ч. 1). Ст. 8. СПб., 1912. 340 с.

REFERENCES

1. *Aleksandrov S. G.* Fizicheskoye vospitaniye detey i molodezhi kubanskogo kazachestva (ser. XIX – nach. XX vv.). Krasnodar, 1999. 185 s.
2. Gosudarstvenny arkhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK). F. 249. Op. 1. D. 3013. L. 12–13.
3. GAKK. F. 427. Op. 1. D. 331. L. 21.
4. GAKK. F. 427. Op. 1. D. 386.; D. 331. L. 21.; F. R-1547. Op. 1. D. 106. L. 128–135.
5. GAKK. F. 469. Op. 1. D. 17. L. 13.
6. GAKK. F. 469. Op. 1. D. 17. L. 13–14, 95–97.
7. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1082. L. 14–15.; D. 1247b. L. 1.
8. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1082. L. 15–19.
9. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1082. L. 19.
10. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1261. L. 16.
11. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1291. L. 5–35.; D. 1448. L. 6–8.
12. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 1407. L. 1–2.
13. GAKK. F. 470. Op. 2. D. 710. L. 1-4.; D. 407. L. 1–8.
14. GAKK. F. 552. Op. 1. D. 77. L. 1, 31, 211–214.; Obzor deyatel'nosti Kubanskogo Aleksandrovskogo real'nogo uchilishcha za 1912/1013 uchebny god. Yekaterinodar, 1914. 82 s.
15. GAKK. F. 671. Op. 1. D. 47. L. 32–33.
16. GAKK. F. R-1547. Op. 1. D. 105. L. 130–131.
17. Grigor'yev A. S. Razvitiye gimnastiki v Rossii s ser. XIX veka do Velikoy Oktyabr'skoy Sotsialisticheskoy revolyutsii: dis. … kand. ped. nauk. L., 1965. 201 s.
18. *Yegorov V. G.* Kratkaya geografiya Kubanskoy oblasti. Rodinovedeniye. Yekaterinodar, 1910. 92 s.
19. Kubanskiye oblastnye vedomosti. 1892. N 16. (2 maya).
20. Kubanskiy sbornik. Yekaterinodar, 1913. T. 20. 111 s.
21. Otchet nachal'nika Kubanskoy oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazach'yego voyska za 1903 god. Yekaterinodar, 1903. 230 s.
22. *Orlov P. P.* Sbornik rasskazov i statey. Yekaterinodar, 1911. 292 s.
23. *Ososkov. A. V.* Nachal'noye obrazovaniye v dorevolyutsionnoy Rossii 1861–1917 gg. M.: Prosveshcheniye, 1982. 374 s.
24. Pamyatnaya knizhka kubanskoy oblasti za 1875 god. Yekaterinodar, 1876. 558 s.
25. RGVIA. F. 330. Op. 61. D. 1729. L. 31.
26. Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazheniy po kazach'im voyskam. T. 15 (ch. 1). St. 8. SPb., 1912. 340 s.